

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Железный крест (Tyskungen)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

Серебряные крылья (Vingar av silver)

Кукушонок (Gökungen)

Романы Камиллы Лэкберг и Хенрика Фексеуса:

Менталист (Box)

Ход коня (Kult)

Игра в кости (Mirage)

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ХЕНРИК
ФЕКСЕУС

ИГРА
В КОСТИ

Москва

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

MIRAGE
Camilla Läckberg, Henrik Fexeus

© 2025 Camilla Läckberg and Henrik Fexeus
Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

Лэкберг, Камилла.
Л92 Игра в кости / Камилла Лэкберг, Хенрик Фексеус;
[перевод со шведского О.Б. Боченковой]. — Москва :
Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-221243-7

В канун Рождества министр юстиции Швеции получает жуткое предупреждение: ему осталось жить четырнадцать дней. В тот же день в туннеле стокового метрополитена найден скелет пропавшего без вести финансиста — человека с темным прошлым и множеством врагов. Как он оказался под землей? И что общего между этим убийством и загадочной кражей вещества, способного вызвать разрушительный взрыв? Тем временем в подземке находят новые останки...

Дело воссоединяет инспектора полиции Мину Дабири с менталистом Винсентом Вальдером, чьи способности к разгадкам тайн давно стали легендой. Чем глубже они погружаются в расследование, тем яснее — кто-то собирает кости жертв, тянет за ниточки в тени и готовит смертельную ловушку для самого министра. Смогут ли Винсент и Мина шагнуть еще глубже в темноту, чтобы разгадать страшную тайну?

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-221243-7
© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Осталось четырнадцать дней

Никлас медленно ел, глядя на свою семью по другую сторону стола. Семнадцатое декабря — рановато для рождественских украшений, но так уж решили они с дочерью. Поэтому на столе стояли белые фарфоровые гномики, а комната, вместо люстры, освещалась елочной гирляндой. Поставить елку сейчас — она вряд ли доживет до сочельника. Лучше ограничиться гирляндой.

На дочери вязаный пуловер с мигающими красными и зелеными светодиодами. Сам Никлас надел красный рождественский галстук. Костюм был обычный, пепельно-серого цвета, потому что и в рождественском безумии следует знать меру.

Он поднес вилку ко рту и откусил кусочек жаренного на решетке ананаса, в медовой глазури, с имбирем и перцем чили. Ананас — не самое подходящее блюдо для рождественского ужина. Так считал Никлас, но дочь полагала иначе. Она и в любой другой ситуации предпочла бы, пожалуй, ананас куску сочного говяжьего стейка.

Они так заняты едой, что как будто не замечают его взгляда. И это, безусловно, к лучшему. Никлас понимал, что выглядит глупо, но ничего не мог с этим поделать. Умиротворение — дурацкое слово, но лучшего он так и не подобрал. Новое чувство для Никласа, и главное, чтобы достичь этого состояния, ничего особенного не требовалось.

Ни блестящей карьеры, которую он, вне сомнений, сумел сделать.

Ни квартиры на Линнегатан в Эстермальме, в которой они с дочерью очень неплохо устроились.

Для этого было вполне достаточно вместе сесть за стол.

Нападение, которому подвергся Никлас шесть месяцев назад и которое даже просочилось в вечернюю прессу, почти забыто. Конечно, Никлас все еще жил под усиленной охраной. Это продлится еще месяцев шесть, пока он не почувствует себя в полной безопасности. Но охранники давно стали частью его жизни. Можно сказать, семьей.

Семья.

Именно вокруг нее все и крутилось. Дочери шестнадцать, совсем взрослая. Никласу нравилось, как он подготовил ее к этой жизни. Правда, иногда она говорила, что ненавидит его, но для подростка это можно считать нормой.

Прямо напротив Никласа — бывшая жена. Если бы кто-то шесть месяцев назад сказал ему, что эти две женщины смогут сидеть за столом вместе, Никлас, конечно, не поверил бы. Даже рассмеялся бы, пожалуй. Но стереотипы иногда работают. Время действительно залечило раны. И вот они втроем, как самая настоящая семья, наслаждаются рождественским ужином. Ненависть улетучилась бесследно. Они даже преподнесли друг другу рождественские подарки.

Комок подступил к горлу, и Никлас выглянул в окно, чтобы остальные не увидели, как блестят его глаза. Какой уютный, мягкий снегопад! Город похож на открытку. Со всем как жизнь Никласа в эту секунду. Впервые за много лет он не чувствовал ни напряжения в плечах, ни ноющей головной боли.

Жужжание со стороны прихожей означало, что кто-то звонит в дверь. Дочь подняла удивленные глаза от тарелки.

— Кто это? — спросила она. — Сегодня суббота, ты обещал не работать вечером, хотя бы во время нашего рождественского ужина.

— Понятия не имею, — ответил Никлас, поднимаясь со стула. — Это точно не к вам?

Бывшая жена и дочь дружно покачали головами.

Никлас вышел в прихожую и направился к входной двери.

— Если ты заказал рождественского гнома, у тебя будут большие неприятности, — негромко напутствовала дочь в спину.

Кто бы это ни был, охрана его пропустила. И это не та встреча, к которой нужно быть готовым заранее, иначе Никласа предупредили бы звонком. Экран на внутренней стороне двери показал мужчину в велосипедном шлеме, с красной звездой на груди и нарастающим снегом на плечах.

Курьерская компания, не просто почта.

Это многое объясняло.

— Да? — Никлас открыл дверь.

— Никлас Стокенберг?

Слегка запыхавшийся мужчина протянул маленький черный конверт.

— Вот, пожалуйста. Это вам.

Конверт без единой пометки. Никлас нахмурился, но принял его из рук мужчины. Осмотрел со всех сторон — ничего.

Поднял глаза на курьера:

— От кого это?

Но мужчины след простыл. Он уже бежал по шести ступенькам на улицу, к своему велосипеду. Вероятно, торопился к следующему клиенту.

Никлас закрыл дверь и вскрыл конверт. Внутри оказался белый лист бумаги.

Похоже, визитная карточка, причем роскошная. Но имени на ней не было. Вместо этого просматривалось что-то похожее на цифру.

Большая восьмерка — верхняя половина белая, нижняя закрашена. Под ней номер телефона. Больше ничего.

Никлас нахмурился. Он действительно не понимал, что это значит, и номер был ему незнаком. Но где-то в глубине сознания уже закралась догадка, что это то самое послание, которого он ждал много лет, и все-таки надеялся не

дождаться. Это было то, что он вытеснил, вычеркнул из своей жизни и к чему теперь оказался не готов.

— В конце концов, это может быть просто реклама, — подумал Никлас.

Существовал только один способ узнать, что это на самом деле.

Никлас достал телефон из внутреннего кармана пиджака и набрал номер. Руки дрожали.

Женский голос в записи ответил после нескольких сигналов:

— *Здравствуйте, Никлас Стокенберг. Мы надеемся, что вы остались довольны качеством услуг, которые мы оказывали вам в течение предусмотренного договором периода. Вам осталось жить... четырнадцать дней... один час и... двенадцать минут.*

Никлас сжал телефон в руке, как будто пытался раздавить сообщение. В горле пересохло.

Он стал задыхаться и оперся рукой о стену, чтобы не упасть.

Из кухни доносился смех. Мать и дочь наслаждались обществом друг друга.

Он опустился на колени. Хорошо, что ковер в прихожей такой дорогой и плотный. Никлас прищурился, пытаясь взять под контроль мысли. Он ведь знал, что этот день когда-нибудь наступит. Давно знал, только отказывался об этом думать. Надеялся, что все-таки пронесет. Слишком много времени прошло.

— Папа, ты где? — послышался голос дочери. — Если переодеваешься в Санта-Клауса, то я звоню в газету.

Никлас упал спиной на стену и начал медленно подниматься. Несколько раз прокашлялся, пытаясь наполнить легкие воздухом, чтобы не трясло так сильно. Потом вышел на кухню.

При виде него обе женщины разом перестали смеяться.

— Кто это был? — испуганно прошептала дочь. — Ты совсем бледный.

Бывшая жена встала и подставила ему стул:

— Сядь, а то упадешь.

Она оцупала его лоб.

— Никого не было, — ответил Никлас. — Ошиблись дверью.

— Ты весь мокрый. Часто с тобой такое бывает? Лекарства принимаешь? Может, вызвать скорую? Ну же, Никлас... что ты молчишь?

Никлас повернул голову и попытался улыбнуться дочери:

— Ничего страшного, Натали... Просто немного закружилась голова.

Натали вопросительно посмотрела на мать. Никлас снял руку бывшей жены со своего плеча и некоторое время держал ее в своей.

— Спасибо, Мина, но скорую не нужно, — медленно проговорил он. — Сейчас это пройдет. Всему рано или поздно приходит конец.

Снег за окном больше не казался таким уютным, а стал холодным и безжалостным, запершим Никласа в зимней тюрьме. Он не мог и пошевелиться, не то чтобы куда-то из нее бежать.

Да и бежать было некуда. Через две недели он умрет, так и не успев ничего довести до ума.

Никлас оглянулся на Мину. Открыл рот, чтобы что-то сказать, и снова закрыл.

Сделал ли он для них все, что мог? Был ли Натали хорошим отцом? Будет ли им его не хватать? И что скажут коллеги на работе?

Пуловер Натали ободряюще подмигнул красным и зеленым.

Никлас действительно не хотел умирать.

Визитка упала на пол. Он оставил ее там.

Глубоко вздохнул и провел ладонью по лицу.

Последние двадцать лет были действительно неплохими. Ни малейшего основания для жалобы. Но, как он только что сказал Мине, «это скоро пройдет».

Через четырнадцать дней, один час и двенадцать минут. Две уже, наверное, можно вычеркнуть.

Винсент лежал на полу своей гримерной в театре «Скала» в Карлстаде.

Он выключил потолочные лампы, оставив освещение только вокруг зеркала.

Зеркало в гримерной, в окружении теплого света, один из немногих стереотипов публики, соответствующих реальности закулисной жизни. Возможно, здесь не обошлось без голливудского влияния, но эти лампочки — действительно красивая, романтическая деталь. С этим трудно поспорить.

Шоу закончилось час назад. Сейчас команда Винсента демонтировала декорации на сцене, располагавшейся ниже гримерки и зеленой комнаты.

Всю сценографию, реквизит и громоздкую осветительную установку разобрали и погрузили на два больших грузовика. Обычно к этому подключали и местных сценических рабочих, а администратор гастролей Ула Фукс был легендой шоу-индустрии Швеции, тем не менее на демонтаж и погрузку обычно уходило не меньше трех часов. Но чего команда наверняка не знала, так это того, что пара часов захватывающего шоу требовала от Винсента как минимум семи часов далеко не такой увлекательной работы, до и после выступления. И так каждый вечер.

Винсент осторожно двинул корпусом, нащупывая более удобное положение. Какой все-таки жесткий линолеум! Взглянув на диван, он подумал, что отдохнуть следовало скорее там. Но поздно. Сейчас Винсент мог лежать, только где упал.

Театр «Скала» полон нечетных и потому крайне неприятных чисел. Высота потолка над сценой пять метров — ну чего им стоило сделать шесть? С потолка свисает семнадцать планок, на которые крепят лампы и декорации. Тоже не самое удачное число. Правда, «пять» плюс «семнадцать» — «двадцать два». Уже лучше. «Два» плюс «два» четыре, именно столько выступлений предстоит ему в этом театре.

На вешалке сценический костюм. Последнее выступление перед Рождеством. Три акта. Вот черт, этого он не учел.

Зато так вспотел к концу шоу, что, только войдя в гримерную, сбросил с себя все, до майки и трусов. Что опять-таки к лучшему. Потому что, если в гримерку кто-нибудь войдет, Винсенту лучше лежать на полу в трусах и майке, чем в полном облачении. Прошлый опыт показывает, что так он выглядит не настолько мертвым.

Грохот со стороны сцены заставил Винсента вздрогнуть. Похоже, что-то сломалось. Догадку подтвердили громкие возмущения Улы, но Винсент давно понял, что есть вещи, о которых лучше не знать. В начале карьеры шоумена он еще пытался помогать сценическим рабочим. Был слышан об артистах, которые так высоко задирают нос, что знать ничего не хотят, кроме своих номеров, и очень боялся выглядеть одним из них. Но быстро понял, что только мешает рабочим. Для всех будет лучше, если менталист будет держаться в стороне, пока они не закончат.

Что означало еще как минимум час на твердом полу. Наверное, это к лучшему, с учетом того, что вернулась головная боль. На столе пустой стакан с налившими на стенках белыми крупинками. «Трео» — с некоторых пор Винсент пристрастился к шипучим таблеткам. Желательно с кофеином.

Можно принять еще, но вряд ли поможет. Вместо этого Винсент прищурился и вздохнул в ожидании, когда боль пройдет сама собой. Или хотя бы немного отпустит. Раньше он просто уставал после выступлений. Но, похоже, много думать действительно вредно. Эта головная боль была чем-то новым. Тем, что он впервые почувствовал месяцев шесть тому назад и что довольно скоро стало обычным состоянием. Иногда она усиливалась, иногда ослабевала, но всегда была с ним, что внушало опасения. Винсент уже не мог вспомнить, каково это — жить без головной боли.

Он отказывался верить в то, что это связано с возрастом. Как-никак до полувекового юбилея оставалось несколько месяцев. Да и выступления были не более напряженными, чем раньше. Два варианта: либо в мозгу опухоль, либо это психосоматика. Вряд ли первое, потому что других сим-

птомов опухоли не наблюдалось. Но, если головная боль вызвана самим Винсентом, зачем он это делает? Что такого хочет сказать сам себе?

Теперь, как и всегда, впрочем, была бы кстати Мина. У нее наверняка нашлось бы хоть какое-то объяснение. После событий прошлого лета, с Натали и Новой, они виделись всего-то пару раз. Отчасти потому, что оба были заняты каждый своим, он — подготовкой к новому шоу, она — новыми расследованиями. Отчасти потому, что разделявший их порог все еще казался слишком высоким, чтобы его можно было преодолеть без привязки к полицейской работе.

Но даже когда они виделись, это были короткие, мимолетные встречи. Головная боль переносилась легче, когда Винсент был с Миной. И тень, затаившаяся глубоко внутри, не давала о себе знать.

Репутация полицейской группы, где работала Мина, упрочилась в глазах руководства, что означало новые расследования и новую работу. А когда работы не было, Умберто из ShowLife Production планировал очередной гастрольный тур для Винсента. Так что он с почти садистской точностью совпадал с отпуском Мины. Как будто ее босс и его администратор сговорились не давать Винсенту и Мине быть вместе.

Было еще кое-что: загадка, хранившаяся у него в кабинете, о которой Винсент не решался говорить даже с Миной. Возможно, именно она и стала источником головной боли. Осенью Винсент много думал об этом, но ни на йоту не приблизился к решению. Но он воспринял эту угрозу всерьез, по крайней мере в этом пункте упрекнуть себя было не в чем.

Кем бы ни был тот, кто отправил ему первое письмо шесть месяцев назад, этот человек отличался завидным терпением.

Так или иначе, это проблема его и только его. Винсент ни в коем случае не хотел обременять этим Мину. Тем не менее каждый раз после очередного выступления надеял-

ся, что она поджидает его там, за кулисами. Как в тот раз, когда они впервые встретились в Евле. Но ничего подобного не происходило. У Мины была своя жизнь, у Винсента своя. Факт оставался фактом: виделись они крайне редко.

Зато с конца лета Винсент мог проводить значительно больше времени, чем раньше, со своей семьей. Пока из-за сломанной ноги он мог передвигаться только на костылях, ни о каких шоу речи не было. Винсент оставался дома круглые сутки, как того и хотела когда-то его жена Мария. Которая, однако, уже через несколько дней разочаровалась в своем желании. Да и дети, не привыкшие подолгу видеть папу, забеспокоились.

Наконец глубоко внутри зашевелилась тень.

Все пришло в норму, как только Винсент снова начал гастролировать. Он как будто наверстывал упущенное, проводя иногда по два выступления в день. Смысл в том, чтобы не мучить себя бесполезными размышлениями.

Винсент уставил взгляд в потолок. Можно ли повредить клетки мозга, если слишком интенсивно его использовать? Нет, наверное. И все-таки не мешает проверить. Потому что на сцене театра «Скала» в Карлстаде он почувствовал именно это.

Винсент закрыл глаза и добавил головную боль к длинному списку того, что надо обсудить с Миной.

Акаи решительно шел по платформе. Он давно усвоил, что, если выглядеть так, будто знаешь, что делаешь, никто не станет задавать вопросов. Оранжевый жилет тоже пришелся к месту. Он делал Акаи невидимым в глазах усталых пассажиров вечернего метро.

Уцепиться не за что, для них Акаи — один из рабочих подземки, что чистая правда. Разве что не в том смысле, какой вкладывают в это люди.

Акаи дошел до конца платформы и открыл небольшую дверцу, отворачивая лицо от камеры на потолке. Жилета достаточно, техперсоналу лицо ни к чему. Хорошо, что камера не может уловить стук баллончиков в его сумке.

За дверцей была лестница, по которой Акаи спустился с платформы в железнодорожный туннель. Он не очень-то любил здесь бродить. Слишком опасно: новые поезда передвигаются почти бесшумно. Количество несчастных случаев, в том числе среди художников, увеличилось.

К тому же Акаи с некоторых пор продвинулся в творческом самовыражении. Оставив граффити любителям, перешел на стрит-арт в технике трафаретной печати в стиле «ретро — 90-е годы». Разумеется, Акаи ни секунды не думал равнять себя с кумиром Бэнкси¹, личность которого, по мнению некоторых, была раскрыта, но вдруг обнаружил, что выходит на новый уровень. Это подтвердили выставки в Гамла Стане. Акаи был почти шокирован тем, сколько люди готовы платить за его работы, не зная даже, кто он такой. Потому что «Акаи» — не более чем псевдоним. Как и Бэнкси, он не собирался открывать своего настоящего имени, чтобы и дальше оставаться загадкой в мире искусства.

Пройдя несколько метров в туннеле, Акаи включил на лобный фонарь.

Туннель стал шире, и сотрудники подземки могли передвигаться в нем, не рискуя слишком близко подойти к путям. Служебное помещение располагалось чуть дальше. То самое, где девушка приятеля Акаи, тоже работавшая в метро, иногда оставалась на ночь. Акаи пообещал другу расписать ее комнату в качестве подарка на день рождения. Идея в том, чтобы завтра утром, войдя в комнату, она увидела не голые бетонные стены, а зеленый тропический лес и семейство гоблинов на поляне. На гоблинов Акаи вдохновил Йон Бауэр². Это должно выглядеть фантастически.

Акаи прошел мимо своей более ранней работы, которую когда-то написал в туннеле. Групповой портрет его друзей

¹ Бэнкси (*англ.* Banksy) — псевдоним английского андеграундного художника стрит-арта, работающего с 1990-х годов. Настоящее имя и происхождение Бэнкси неизвестны и вызывают много споров.

² Йон Бауэр (1882–1918) — шведский художник, известный иллюстрациями к скандинавским сказкам и мифам.

и знакомых. На лице одной из девушек кто-то нацарапал: «Это Сюсси». Чертовы вандалы!

Гравий хрустел под ногами. Вскоре в свете лампы обозначилась дверь в служебное помещение. Акаи обогнул большую кучу гравия и остановился. Что-то его насторожило. Акаи повернулся к куче высотой в половину его роста. То, что в туннеле был гравий, его не удивляло, здесь и не на такое можно наткнуться. Но из кучи торчало что-то белое. Где-то он уже такое видел. Может, в кино, но ничего определенного на память не приходило. Акаи смахнул немного гравия и отпрянул, когда понял, что это было.

Кости. Должно быть, кто-то глупо пошутил. Но у какого животного может быть такой большой скелет?

Акаи потянул кость, чтобы вытащить ее. Гравий зашевелился, и куча обрушилась, открыв глазам еще больше частей скелета.

В свете налобного фонаря на Акаи скалился череп.

Человеческий череп.

Акаи растерялся, как бы раздумывая, кричать ему или бежать.

В результате сделал и то и другое.